

На правах рукописи

Сидоренко Мария Васильевна

Уголовное судопроизводство по делам о государственных преступлениях в годы «застоя» и «перестройки» (1964-1991 гг.): историко-юридическое исследование

Специальность 12.00.01 -
теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Автореферат диссертации на соискание
ученой степени кандидата юридических наук

Краснодар 2009

Диссертация выполнена в Кубанском государственном аграрном университете

Научный руководитель:

Рассказов Л.П. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Глушаченко Сергей Борисович - доктор юридических наук, профессор
Упоров Иван Владимирович - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор

Ведущая организация – Южный федеральный университет

Защита диссертации состоится 16 июня 2009 г. в 10 час. на заседании объединенного диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по юридическим наукам ДМ 320.038.10 при Кубанском государственном аграрном университете по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный учебный корпус, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Кубанского государственного аграрного университета (350044 Краснодар, ул. Калинина,13).

Автореферат разослан " ____ " мая 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор

Камышанский В. П.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Существенным признаком правового государства, которое формируется в России согласно ст. 2 Конституции РФ, является функционирование независимого справедливого правосудия. Особенно это важно в сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, поскольку здесь речь идет о применении принуждения к личности, значительном ограничении ее прав и свобод. При этом индикатором состояния уголовного процесса в обществе является отношение власти к лицам, совершающим преступления против государства. В этом контексте значительный научный интерес представляет исторический период развития советского государства, охватываемый «застоем» и «перестройкой» (1964-1991 гг.). Дело в том, что проблематика, связанная с уголовно-политическим судопроизводством, исследуется, как правило, применительно к периоду наиболее массовых репрессий по политическим мотивам (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) – на эту тему издано огромное количество работ. Достаточно подробно изучена карательная политика советского государства непосредственно после Октябрьской революции (1917 – конец 1920-х гг.), в реализации которой главная роль отводилась ВЧК-ГПУ-ОГПУ. В последнее время несколько активизировались исследования по периоду хрущевской «оттепели» (1953-1964 гг.). Однако последующие годы функционирования советской власти (1964-1991 гг.) в плане комплексного изучения особенностей уголовного судопроизводства в отношении дел о преступлениях, посягающих на государственный строй, остаются без внимания историков права и государства. Между тем здесь имеется немало вопросов, требующих историко-правового анализа. При этом проблемные вопросы обусловлены прежде всего тем, что, например, в период «застоя» произошло изменение тенденции в развитии содержания карательной политики советского государства, определенной накануне в годы «оттепели» как смягчение уголовно-политической репрессий и в целом либерализация общественных отношений. Важно в связи с этим выяснить причины изменения этой тенденции, ее законодательное закрепление. Трансформировались и методы работы органов государственной безопасности, которые осуществляли оперативно-розыскные и следственные действия в отношении лиц, совершающих деяния, имевшие признаки государственных преступлений – они стали, с одной стороны, более цивилизованные, а, с другой стороны, их целеполагание, руководство ими со стороны руководящих партийных структур оставались прежними. В уголовно-процессуальном праве в период «застоя» так и не была принята общепринятая норма о праве всех категорий обвиняемых иметь защитника с момента предъявления обвинения. Длительное время оставались практически неизменными нормы, регулирующие судебную систему, уголовный процесс. Одновременно расширялось правозащитное (диссидентское) движение, критикующее политику советской власти и преследуемое последней. Груз накопленных в годы «застоя» проблем во многом предопределил стремительность и глубину «перестройки», начавшейся с середины 1980-х гг. и закончившейся в итоге распадом СССР и

резкой сменой уголовно-процессуальной политики российского государства. Такое неоднозначное положение показывает необходимость дополнительного исследования данной проблематики применительно к периоду «застоя» и «перестройки». В частности, недостаточно изученными являются вопросы развития уголовного законодательства об ответственности за совершение государственных преступлений, и прежде всего трансформации составов таких преступлений. В имеющихся соответствующих публикациях, касающихся заявленного отрезка истории СССР, вопросы осуществления правосудия в отношении лиц, посягающих на государственный строй, освещаются в основном с политологических позиций, причем как правило делаются либо негативные, либо позитивные оценки, и не учитываются сложность и неоднозначность многих проявлений в сфере судопроизводства по делам о преступлениях против государства. Между тем изучение столь сложных процессов в деятельности карательного механизма советского государства предполагает обращение прежде всего к правовой стороне – этому аспекту в имеющихся работах уделяется явно недостаточное внимание. Так, важным представляется вопрос о соотношении содержания уголовно-процессуального законодательства, которое в своей основе соответствовало общепризнанным судопроизводственным принципам, и фактической его реализацией. Практически не исследована нормативно-правовая база и методы работы органов КГБ СССР по указанной категории преступлений. Представляется также важным изучить практику реализации норм уголовно-процессуального права применительно к конкретным уголовно-политическим делам, и прежде всего тем, которые являются характерными и получившими широкий общественный резонанс. Наличие этих и других историко-правовых проблем в период «застоя» и «оттепели» определяет необходимость дальнейшего изучения правового механизма осуществления судопроизводства по делам против государства в указанный период с тем, чтобы учесть положительный опыт и не допускать допущенных ошибок.

Степень разработанности темы. Отдельные проблемы развития института уголовно-политического судопроизводства за весь период 1964-1991 гг. в научном плане стали включаться в предмет историко-правовых исследований после распада СССР, то есть после 1991 г. Вместе с тем в годы «перестройки», когда была провозглашена гласность, был издан ряд публикаций, где на основе ставших открытыми источников освещались вопросы периода «застоя», в частности, это касалось преследования диссидентов за их критические выступления против советской власти. В числе авторов были Аксютин Ю.В., Алексеева Л.А., Безбородов А.Б., Блюм А.В., Бурлацкий Ф.М., Верниченко М.А., Воронин Ю.В., Гордин Я., Грошев С.Н., Дьяков С.В., Звягинцев В.Е., Золотонос М., Качановский Ю.В., Кодинцев А.Я., Лацис О.Р., Лисов В., Маслов Н.Н., Морева О.С., Мейер М.М., Медведев Р.А., Назаров О.В., Новиков С.В., Осадчий И., Перегудов С.П., Пивовар Е.И., Пихоя Р.Г., Пыжиков А.В., Ратьковский И.С., Сергеев В.И., Серов Д.О., Согрин В.В., Старовойтов Н.Г., Степанков Г., Фроянов И.Я., Хлобустов О.М., Ходяков М.В., Хаустов В.Н., Шубин А.И., Эдельман О., Якимчук Н. и др.

Данная проблематика по отдельным аспектам нашла также отражение в ряде диссертационных работ, среди которых можно отметить следующие: Блок А.Ю. Исторический опыт административно-правоохранительной политики советского государства в 1953-1964 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2002; Грошев С.Н. Реформирование системы органов внутренних дел СССР в 1956 - 1968 гг. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Козин В.П. Эволюция политической системы в СССР (вторая половина 80-х - начало 90-х гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; Маслов Д. В. Состояние советской системы в перспективе ее трансформации 1980-90-х гг.: проблемы историографии, теории и методологии исследования. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004; Пыжиков А.В. Исторический опыт политического реформирования советского общества в 50-60-е годы. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1999; Романовская В.Б. Репрессивные органы и общественное правосознание в России XX века. Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1997. Помимо этого издано большое количество публицистической литературы и воспоминаний, которые вызвали определенный резонанс в обществе, поскольку по многим вопросам впервые открыто были затронуты весьма болезненные стороны советской истории периода «застоя» и «перестройки». Вместе с тем правовые аспекты осуществления уголовно-репрессивной деятельности советского государства по делам о преступлениях против государства в период 1964-1991 гг. еще не стали предметом специального монографического исследования. В данной работе предпринята попытка некоторым образом восполнить этот пробел.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1964 г. до 1991 г. Нижней границей является октябрь 1964 г., когда на Пленуме ЦК КПСС от руководящих должностей был освобожден Н.С. Хрущев, а пришедший ему на смену Л.И. Брежнев стал проводить политику, получившей позже название «застоя». Верхний рубеж хронологических рамок (декабрь 1991 г.) определен окончанием «перестройки» и прекращением существования СССР как самостоятельного государства. В рамки этих хронологических границ включается также рубеж (середина 1980-х гг.), разделяющий годы «застоя» и «перестройки». Такой выбор временного периода объясняется тем, что он позволяет выявить основные тенденции развития уголовного судопроизводства по делам о преступлениях против государства в последние десятилетия функционирования СССР.

Объектом исследования являются общественные отношения, которые возникали и развивались в связи с совершением деяний, формально квалифицируемых как государственные преступления, в период «застоя» и «оттепели» (1964-1991 гг.). В предмет исследования включены нормы уголовного права об ответственности за государственные преступления, нормы уголовно-процессуального права, регламентирующие деятельность органов государственной безопасности, прокуратуры, судов при производстве дознания, следствия и судебного рассмотрения указанной категории дел, а также научные труды, посвященные данной проблематике, материалы политических процессов по конкретным уголовным делам.

Методологической основой настоящего исследования стали методы материалистической диалектики, историзма и системности научного анализа, являющиеся общепринятыми в историко-правовом исследовании. Характер дис-

сертационного исследования обусловил также применение таких методов, как статистический, сравнительно-правовой, анализа и синтеза и др. В процессе исследовательской работы диссертантом использовались результаты исследований, содержащиеся в научных трудах как советских, так и современных авторов. Автором использовались материалы литературных и публицистических работ, где в той или иной мере находила отражения исследуемая проблематика. Нормативно-правовой базой диссертационного исследования послужили законы и другие правовые акты, которые регламентировали различные аспекты следственной и судебной деятельности. В диссертации были использованы сборники опубликованных документов Советского государства, содержащие законы, постановления, распоряжения, приказы партийно-государственных и репрессивно-карательных органов. Справочники, энциклопедические словари, библиографические указатели, использованные в диссертации, способствовали уточнению общих и частных вопросов, связанных с темой исследования. В работе активно использовались материалы, в том числе связанные с деятельностью органов государственной безопасности, правозащитной деятельностью диссидентов, содержащиеся в Музее-общественном центре им. А.Д. Сахарова, Фонде М.С. Горбачева, Советском Архиве В.Буковского. В связи со спецификой деятельности органов государственной безопасности и относительно небольшим сроком, прошедшим с момента описываемых в диссертации событий, значительная часть материалов о спецслужбах является закрытой, поэтому в работе использованы только открытые и доступные источники. В определенной степени это затрудняет вскрыть ряд глубинных причин принятия тех или иных решений, однако данное обстоятельство не является решающим, учитывая, что принцип гласности и свободы печати, реализуемый в России после распада СССР, позволил сделать открытыми основной массив сведений, используемый в диссертации.

Целью исследования является анализ законодательной основы деятельности дознавательных, следственных, судебных органов и органов государственной безопасности по делам о преступлениях против государства в период «застоя» и «перестройки» (1964-1991 гг.), и практики его применения по конкретным уголовным делам.

Поставленная цель предопределила следующие задачи:

- исследовать правовые и организационные основы осуществления судопроизводства по уголовным делам о преступлениях против государства в завершающие десятилетия функционирования СССР;
- раскрыть политико-правовую характеристику «застоя» и «перестройки»;
- выявить причины трансформации уголовной ответственности за государственные преступления в 1964-1991 гг.;
- проанализировать развитие судебной системы в рассматриваемый период функционирования СССР;
- изучить уголовно-процессуальное законодательство применительно к уголовно-политическим делам;
- исследовать структуру, полномочия и методы деятельности КГБ СССР по защите советского государственного строя;

- рассмотреть реализацию карательной политики советского государства в периоды «застоя» и «перестройки» в сфере борьбы с государственными преступлениями на примере некоторых уголовно-политических дел (дела диссидентов-шестидесятников, дело Саблина, дело ГКЧП).

Научная новизна исследования определяется прежде всего тем, что в данной работе на комплексном монографическом уровне изучена проблематика, связанная с юридической стороной осуществления судопроизводства по уголовно-политическим делам в период «застоя» и «перестройки» (1964-1991 гг.), что в историко-правовой науке еще не было предметом специального исследования. В диссертации выявлены тенденции развития судебной системы и уголовно-процессуального права в рассматриваемый период. Проведен анализ организационно-правовых преобразований органов государственной безопасности, изучены методы их работы по делам о преступлениях против советской власти. Показана степень влияния складывающейся общественно-политической и социально-экономической ситуации, формируемой партийно-советской элитой, на характер деятельности репрессивных органов. Выявлена специфика производства дел по деяниям, посягающим на интересы советской власти. Подробно раскрыты уголовно-процессуальные особенности при организации и реализации ряда уголовно-политических процессов.

В результате проведенного исследования разработаны следующие **основные положения, выносимые автором на защиту**:

1. Период «застоя» (1964 – середина 1980-х гг.) характеризовался консервацией политической системы СССР, неизменностью законодательных основ, стремлением властной элиты во главе с Л.И. Брежневым, надолго оказавшейся у власти, показывать только «успехи социалистического строительства». От съезда к съезду КПСС, а именно этими вехами измерялась история советского общества, нужно было демонстрировать «преимущества социализма». Исходя из этого заметный импульс получило распространение приписок, очковтирательства, показухи. Такой тон, стиль и методы, сформированные в период времени, связанный с XXIII съездом КПСС (1966 г.), был продолжен на все последующих съездах вплоть до середины 1980-х гг. Власть сама себя загнала в тупиковое положение – признать, что положение в каких-либо сферах ухудшается, мужества не хватало, следовательно, нужно было говорить, что в целом развитие осуществляется позитивно, а для этого без искажения действительности обойтись было нельзя, и в результате население все больше и больше не доверяло власти, что в итоге привело к «перестройке» и реформированию советского общества. На этом фоне некоторым образом трансформировалась и карательная политика советского государства, в том числе в сфере борьбы с преступлениями против советского государства. В начальный период «застоя», отталкиваясь от трагических событий Новочеркаска 1962 г., власть стала ужесточать наказания на преступления, включавшиеся в разряд деяний против государства, затем наступил период некоторой стабилизации (составы государственных преступлений менялись, но незначительно), а в конце 1980-х гг. наблюдалось в целом резкое смягчение ответственности за преступления против государства.

2. С середины 1960-х гг. в СССР расширялось правозащитное движение, выражаемое в подпольной деятельности диссидентов. Именно активность этого движения во многом определяла особенности репрессивной политики советского государства в сфере борьбы с преступностью с деяниями, направленными против советского политического строя, в годы «застоя». Большинство распространяемых диссидентами материалов, которые расценивались как антисоветские, а действия квалифицировались как преступные, по нынешним меркам представляют собой обычные критические оценки власти со стороны несогласных с ее политикой, более того, критика оппозиционных в настоящее время партий по своей тональности и резкости звучит намного жестче, чем в свое время писали диссиденты в отношении советской власти. Однако в то время критика власти в части ограничения демократических свобод считалась преступлением, что являлось характерной чертой советского государства рассматриваемого периода.

3. Уголовное законодательство, определявшее ответственность за государственные преступления в период «застоя» и большей части «перестройки», базировались на союзном законодательстве 1958 г., продублированном в УК РСФСР 1960 г. В дальнейшем происходили некоторые корректировки без изменения концептуальной направленности. Так, в 1966 г. было решено дополнить главу девятую «Преступления против порядка управления» УК РСФСР рядом статей, в том числе статьей 190.1 (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй). Состав этого преступления очень близок к ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда), и невключение ст. 190.1 в главу о государственных преступлениях обусловлено тем, что это могло бы повлечь еще большие, чем раньше, протесты международных организаций. Кроме того, этой статьей власть пыталась на более ранних стадиях предотвращать более тяжкое деяние в виде антисоветской агитации и пропаганды. Затем длительное время изменений не было, и это тоже можно считать элементами «застоя». Лишь в 1984 г. были подредактированы ст. 68, 70, 77.1, а также введена ст. 76.1 (передача иностранным организациям сведений, составляющих служебную тайну). Здесь законодатель преследовал те же цели – путем криминализации менее опасного деяния предполагалось предотвращать более тяжкое преступление – измену Родине (ст. 64 УК РСФСР). Такой подход был присущ органам государства, занимающимся борьбой с государственными преступлениями в рассматриваемый период, и, нужно признать, он был более эффективен для власти, нежели обычное ужесточение наказания, то есть в деятельности законодателя и спецслужб стала активнее применяться концепция предупреждения антисоветских проявлений.

4. Дела по преступлениям против государства могли рассматривать суды, начиная с субъектов РСФСР, а также Верховный суд РСФСР (верховные суды других союзных республик) и Верховный суд СССР. Кроме того, в соответствии с Положением о военных трибуналах дела о шпионаже подлежали рассмотрению только этими судебными инстанциями. Военные трибуналы рассматривали дела о государственных преступлениях, если хотя бы один из субъектов такого преступления был военнослужащим, сотрудником органов государственной безопасности или органов внутренних дел. Никакие другие органы государства,

кроме судов, указанных в рассмотренных в общих законах о судостроительстве, не могли рассматривать уголовные дела, включая дела о государственных преступлениях, и тем самым был окончательно закреплен запрет на применение внесудебных репрессий уголовно-правового характера.

5. В годы «застоя» и почти всей «перестройки» советский законодатель так и не решился в полном объеме ввести общепризнанное право обвиняемого на защиту с момента предъявления обвинения, в результате чего, как и в прежние сталинско-хрущевские годы, обвиняемые, и прежде всего по государственным преступлениям, оставались один на один с могущественным государственным механизмом в лице следственных органов (защитник мог начать защиту только после окончания следствия). И только в апреле 1990 г. в СССР был принят, наконец, закон, обеспечивающий указанное право. Этот акт следует считать действительно революционным, имея в виду развитие уголовно-процессуального права в течение всего периода советского государства. Вместе с тем данный закон уже перестал быть актуальным, то есть он запоздал, поскольку к тому времени уже была декриминализована антисоветская пропаганда и агитация, а СССР доживал последний год. В этом же ряду следует поставить и закон 1989 г., определивший, наконец, предельный – 1,5 года – срок пребывания обвиняемого под стражей во время следствия (до этого предельного срока не было). Вместе с тем незачет времени ознакомления заключенного обвиняемого при исчислении срока содержания под стражей являлся рудиментом прошлой советской карательной политики.

6. До конца 1980-х гг. органы государственной безопасности функционировали на основе той организационно-правовой структуры, которая сложилась в годы хрущевской «оттепели». При этом КГБ СССР работал под непосредственным руководством ЦК КПСС, перед которым отчитывался и от которого получал руководящие указания, и в этом смысле сохранялись сложившиеся еще при Сталине традиции. Органы КГБ СССР в реализации своих задач по борьбе с преступлениями против государства обладали достаточно широкими оперативно-розыскными и следственными полномочиями. В наибольшей степени КГБ СССР приходилось заниматься преступлениями, квалифицируемыми как антисоветская пропаганда и агитация, поскольку сформированное во времена «оттепели» движение диссидентов-шестидесятников с каждым годом проявляло все большую активность, и особенно после включения в правозащитную деятельность академика А.Д. Сахарова. В отличие от прежних времен КГБ СССР применял более гибкие методы, в том числе использовалась тактика вынесения предостережений потенциальным преступникам. После начала «перестройки» КГБ СССР впервые столкнулся с ситуацией, когда оппозиционно настроенные силы внутри страны не просто критиковали действующую власть, но и полагали нужным вообще сменить общественно-политический строй. На фоне крайне противоречивого развития внутривластной ситуации в стране на рубеже 1990 г. КГБ СССР потерял идейно-политические ориентиры, был подвергнут обструкции со стороны еще недавних своих «клиентов» из числа правозащитников, ставших занимать ведущие позиции в идейно-политическом поле, и был ликвидирован незадолго до официального распада СССР.

7. Для борьбы с диссидентами власть практиковала их дискредитацию через средства массовой информации, публичные осуждения со стороны «трудящихся», в форме разоблачающих коллективных писем «представителей интеллигенции» и т.д. Специфическим видом наказания диссидентов было принудительное, по определению суда, помещение их в психиатрическую больницу, что с юридической точки зрения не являлось репрессивной санкцией. К диссидентам применялась и такая мера воздействия, как лишение советского гражданства. К началу 1980-х гг. диссидентство было в основном подавлено. В дальнейшем их идеи будут востребованы уже в ходе «перестройки».

8. Одна из особенностей уголовно-политических процессов по делам об антисоветской пропаганде и агитации заключалась в том, что власть привлекала в качестве участников процесса общественных обвинителей, которыми являлись как правило коллеги подсудимых по работе. При этом общественными обвинителями становились обычно не по своей воле, а по предложению (от которого нельзя было отказаться) органов государственной безопасности. Вместе с тем в отличие от сталинских времен, в годы «застоя» представители интеллигенции уже гораздо смелее и более открыто подавали голос в защиту несправедливо осуждаемых, на их взгляд, коллег. А суды над Синявским и Даниэлем (1966 г.) и другими диссидентами показали, что политическая система советского общества, сложившаяся в 1930-х гг., не была способна к самотрансформации, она словно застыла в своей основе, и лишь политические репрессии в отношении идеологических антисоветчиков безусловно смягчились как ответ на изменившиеся настроения в результате осуждения культа личности.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается прежде всего в том, что результаты проведенного историко-правового анализа судопроизводственной сферы по делам против государства в период «застоя» и «перестройки» (1964-1991 гг.), а также теоретические положения, содержащиеся в диссертационном исследовании, могут представить научный интерес в изучении истории развития розыскных, следственных и судебных органов в нашей стране. Текст исследования может применяться при подготовке методических и научных разработок по истории отечественного государства и права, в учебно-воспитательном процессе, при чтении академических курсов, лекций, спецкурсов по истории судебной власти, правоохранительных органов и др.

Апробация результатов исследования. Наиболее важные результаты диссертационного исследования нашли отражение в авторских публикациях, они использованы при проведении занятий по курсу «История отечественного государства и права» в Краснодарском университете МВД России, других высших учебных заведениях. Научные, педагогические работники, работники судебной системы могли ознакомиться с основными положениями диссертации на научно-практических конференциях в Краснодаре, Ростове-на-Дону, Ставрополе, в работе которых участвовал диссертант.

Структура диссертации определена характером и объемом научного исследования и включает в себя введение, две главы, объединяющие шесть параграфов, заключение и библиографический список.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава **«Правовые и организационные основы осуществления судопроизводства по уголовным делам о преступлениях против государства в завершающие десятилетия функционирования СССР»** включает в себя три параграфа.

В первом параграфе *«Политико-правовая характеристика «застоя» и «перестройки» и трансформация уголовной ответственности за государственные преступления в эти периоды»* отмечается, что периоды «застоя» (1964 – середина 1980-х гг.) и «перестройки» (середина 1980-х – 1991 гг.) имели немало общих черт, в том числе единый советский социалистический строй, практически единые конституционные основы (новая Конституция СССР 1977 г., сменившая прежнюю Конституцию СССР 1936 г., по своей сущности оставалась не прежних позициях), единую идеологию, прежнюю единственную руководящую КПСС, прежнюю экономику, основывавшуюся на государственном типе собственности. Вместе с тем, они, разумеется, имели различия, и особенно это касается последних лет «перестройки», когда в стране стали происходить события революционного характера, приведшие в итоге к смене политического строя.

Далее автор подробно останавливается на политико-правовой характеристике «застоя» и «перестройки», увязывая ее с содержанием карательной политики советского государства в целом и в отношении лиц, посягающих на государственные интересы, в частности. Так, в начальный период «застоя», отталкиваясь от трагических событий Новочеркасска, где в 1962 г. происходил массовый протест рабочих против повышения цен на основные продукты питания, власть стала ужесточать наказания на преступления, включавшиеся в разряд деяний против государства, затем наступил период определенной стабилизации карательной политики.

В диссертации показывается, что импульс некоторого свободомыслия, данный в период «оттепели», не был погашен, и уже тогда, к середине 1960-х гг., стало проявляться и нарастать общественное противоречие между консервативно настроенной в целом официальной политикой и начавшей прорастать оппозиционной частью общества в лице преимущественно деятелей культуры, литературы, науки, которые полагали, что в СССР, если кратко, должно быть больше демократии западного толка. В совокупности протестные проявления этой группы интеллигенции позже получают название «диссидентства», или «шестидесятников», и они будут подвергаться репрессиям как противники советского строя, причем их «преступлением» будет лишь высказываемая позиция об обстановке в стране, как правило, критической направленности. Кроме того, обозначились некоторые признаки десталинизации, во всяком случае, тема прямого осуждения культа личности и массовых политических репрессий стала приглушаться, на что также обращала внимание интеллигенция. Диссертант подчеркивает, что именно активность диссидентского движения во многом определяла карательную политику советского государства в сфере борьбы с преступностью

с деяниями, направленными против советского политического строя, поскольку иные основания (совершение таких государственных преступлений, как шпионаж, измена Родина, диверсия и др.) в целом оставались на прежнем уровне, а вот выступлений идеологического характера становилось больше.

Далее в работе анализируется уголовно-правовая политика в отношении деяний, посягающих против государства. В рассматриваемые периоды «застоя» и «гласности» эту политику отражало соответствующее уголовное законодательство, принятое еще в годы хрущевской «оттепели». Речь идет прежде всего о принятых в декабре 1958 г. Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и Законе СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (позже соответствующие нормы будут воспроизведены в УК РСФСР 1960 г.).

Составы государственных преступлений и ответственность за их совершение регулировались вторым из отмеченных законом, но с применением первого. Обозревая составы этой категории преступлений (измена Родине, шпионаж, диверсия, антисоветская пропаганда и агитация и др.) автор отмечает, что при этом изменился подход к ответственности за совершение преступлений против государства (в частности, по всем составам появились альтернативные меры наказания, помимо расстрела). Большинство составов действовало до конца 1980-х гг. Вместе с тем советский законодатель вносил изменения – диссертант подробно анализирует их. Так, наиболее заметные были проведены в 1966 г., когда уголовный закон был дополнен несколькими составами, близко примыкающими к государственным преступлениям – тогда было решено дополнить главу девятую "Преступления против порядка управления" Уголовного кодекса РСФСР рядом статей, в том числе статьей 190.1 (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй).

В дальнейшем в течение длительного времени составы государственных преступлений по сути не менялись, подвергаясь лишь некоторым корректировкам, а также изменениям, обусловленным приоритетом предупреждения такого рода деяний перед ужесточением наказания за их совершение, на что, в свою очередь, влияло международное общественное мнение, встававшее на защиту репрессированных диссидентов. Законодатель активизировался лишь на завершающем этапе «перестройки», сделав попытку усилить ответственность за ряд посягательств против государственных интересов. Однако это были запоздалые решения, они не вписывались в кардинально обновившиеся общественные отношения, где места СССР не находилось, и все принимаемые законы, направленные на защиту советского строя, заметного влияния на ход событий оказать уже не могли. Более того, одновременно под натиском демократических преобразований в 1989 г. были исключена из УК РСФСР ст. 191.1, а печально известная ст. 70 тогда же была трансформирована по сути в новый состав (призывы к свержению или изменению советского государственного и общественного строя). В диссертации даются оценки осуществленным изменениям в развитии института ответственности за государственные преступления в период «застоя» и «перестройки», изложенные в обобщенном виде в положениях, выносимых на защиту.

Во втором параграфе *«Развитие судебной системы и уголовно-процессуального законодательства применительно к уголовно-политическим делам»* отмечается, что судебная система и уголовно-процессуальное законодательство в СССР в периоды «застоя» и «перестройки» в своей основе базировались на законах, принятых во времена хрущевской «оттепели», когда 25 декабря 1958 г. были изданы Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик и Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. Тогда же было принято Положение о военных трибуналах, которые рассматривали все дела о шпионаже и все дела против государства, где хотя бы одним из фигурантов был военнослужащий. Эти документы достаточно подробно проанализированы в юридической литературе, в связи с чем внимание диссертанта сосредоточено на анализе законов РСФСР, которые хотя во многом повторяли союзные, но все же имели специфику, связанную с детализацией норм союзных актов, а также на изменениях, которые имели место в годы «застоя» и «перестройки».

В частности, в развитии судебной системы наиболее заметное изменение появилось лишь в 1979 г. с принятием Закона СССР «О Верховном Суде СССР». Появление нового акта о высшей судебной инстанции было обусловлено, во-первых, тем, что с момента принятия Положения о Верховном Суде ССР прошло более двадцати лет и ряд норм объективно устарели, во-вторых, вступила в действие новая Конституция СССР 1977 г., где был более четко определен статус Верховного Суда СССР. Сравнение показывает, что концепция осталась неизменной. Однако есть немало нюансов, которые анализируются автором. Так, в Законе 1979 г. они появляются идеологические положения, которых ранее не было – уже в ст. 1 Закона указывается, что «всей своей деятельностью Верховный Суд СССР призван обеспечивать правильное и единообразное применение законов при осуществлении правосудия, воспитывать граждан в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения Конституции СССР и советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития». Одновременно с законом о Верховном Суде были приняты также законы о прокуратуре СССР и об адвокатуре СССР. Следующий этап развития судебной системы связывается с принятием нового Закона РСФСР «О судостроительстве РСФСР» от 8 июля 1981 г. Новый закон включал в себя довольно многие общепризнанные нормы в этой сфере общественных отношений, причем в более развернутом виде, чем в предшествующем законе (1960 г.). Что касается структуры судебной системы, что ее в соответствии со ст. 20 составляли Верховный Суд РСФСР, Верховные Суды автономных республик, краевые, областные, Московский и Ленинградский городские суды, суды автономных областей, суды автономных округов, районные (городские) народные суды. Закон подробно регулировал порядок формирования судейского корпуса для каждого звена судебной системы (на основе выборов населением применительно к низшему звену – народным судам, и Советами депутатов в лице их исполнительных и представительных органов для остальных

звеньев), а также основные полномочия и структурные подразделения. В данный закон в дальнейшем вносились многочисленные изменения, но каркас его остался, более того, данный закон действует и в настоящее время – в части, не противоречащей иным законам Российской Федерации, принятым уже после распада СССР.

Диссертант подчеркивает, что дела о преступлениях против государства рассматривались с учетом этого закона, поскольку иных судебных органов, кроме установленных законами СССР и РСФСР, не было, и тем самым в нашей стране было окончательно закреплен отказ от внесудебных органов. Несколько позже (в августе 1981 г.) законом СССР было утверждено Положение о военной прокуратуре, где согласно ст. 3 военная прокуратура среди прочего осуществляет «надзор за исполнением законов органами дознания, действующими в Вооруженных Силах СССР, следователями военных прокуратур, а также органами дознания и следователями органов государственной безопасности при расследовании ими дел, подсудных военным трибуналам». Этот контроль, в отличие от предшествующих времен, был несколько более строгий, во всяком случае, органы государственной безопасности при разработке уголовного дела о преступлении против государства под влиянием прокурорского надзора соблюдали формальные требования законодательства.

В таком виде судебная система неизменно функционировала до 1989 г., то есть до завершающего периода «перестройки» - в тот год 13 ноября были приняты новые Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве, что знаменовало собой последнюю крупную судебную реформу в советской истории (начало этой реформы было положено несколько ранее – с принятием закона о статусе судей). Здесь уже практически отсутствует идеологическая составляющая (не считая названия государства – СССР, причем аббревиатура не расшифровывается, и еще применявшегося термина «социалистический»). В целом этот акт, сохранив многие подходы предшествующих законов, уже в значительно большей степени выдержан в духе западноевропейской демократии – в соответствии с новыми общественно-политическими настроениями в стране.

Далее диссертант подробно анализирует развитие в период «застоя» и «перестройки» уголовно-процессуального законодательства. Отмечается, в частности, что по аналогии с законами о судебной системе, вплоть до 1991 г. действовало законодательство, базировавшееся на Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г., в которых по сравнению с предшествующим законодательством наблюдалось стремление к установлению более весомых гарантий прав подозреваемых, обвиняемых и подсудимых. Как и в случае с судебной системой, Основы уголовного судопроизводства не содержали исключений, которые ранее касались как раз дел о преступлениях против государства. Указанные позитивные изменения в сфере отправления правосудия нашли отражение в новом УПК РСФСР 1960 г.

Далее автор исследует изменения, произошедшие в период 1964-1991 г. Ключевое из них касается проблемы, связанной с определением момента, с которого обвиняемый мог иметь защитника – в СССР длительное время защитник

имел возможность защищать обвиняемого лишь с момента окончания следствия, а до этого обвиняемый находился один на один с могущественным государственным механизмом, что противоречило общепризнанным принципам уголовного процесса, где дела о государственных преступлениях не являлись исключением. В этом смысле законодатель только в 1972 г. сделал робкий шаг вперед, определив, что защитник может приступить к защите с момента предъявления обвинения по разрешению прокурора в отношении достаточно узкого круга обвиняемых - тогда были внесены очередные изменения, которые некоторым образом скорректировали ст. 47, 49, 50, 148, 221 и 225 УПК РСФСР, касающиеся обеспечения прав обвиняемых (подсудимых). Очевидно, действовал «сталинский» синдром, когда власть не могла себе представить, что она может не контролировать и не направлять в нужном русле любой уголовно-политический процесс, как это было в предшествующие десятилетия.

Еще одним крупным решением в развитии уголовно-процессуального права стало издание в 1969 г. Положения о предварительном заключении под стражей. Ценность этого акта заключается прежде всего в том, что ранее закрепляемые в закрытых инструкциях нормы, в том числе касающиеся условий содержания обвиняемых и подсудимых в СИЗО, получили открытый для общества вид на уровне закона. В работе анализируется этот правовой акт. В целом по сравнению с предшествующими подобными актами данный закон предусматривал более гуманные условия содержания заключенных в следственных изоляторах, и в своей основе эти нормы включены в действия правила внутреннего распорядка. Вместе с тем некоторые нормы имели одиозный характер и подвергались резкой критике правозащитников, и прежде всего это касается применения смиренной рубашки и неоправданных ограничений переписки – позже, уже в годы «перестройки» Положения были скорректированы в направлении расширения прав содержащихся в СИЗО. Автор анализирует также нормы, регулирующие сроки содержания обвиняемых в СИЗО – здесь также имели место изменения, причем во всех случаях законодатель не делал никаких исключений применительно к лицам, обвиняемым в совершении государственных преступлений.

В третьем параграфе *«Структура, полномочия и методы деятельности КГБ СССР по защите советского государственного строя»* отмечается, что началу периода «застоя» (конец 1964 г.) в СССР уже сложилась система, в которой дела по преступлениям против государства раскрывали и расследовали (то есть выполняли оперативно-розыскную и следственную функции) в абсолютном большинстве своем органы государственной безопасности, что было отражено в законодательстве (часть дел вела прокуратура, в частности, по преступлениям, предусмотренным ст. 190, 190-1 УК РСФСР, но только в порядке выполнения следственных функций; кроме того, при необходимости привлекались органы внутренних дел – в порядке оказания содействия в реализации оперативно-розыскных мероприятий). В годы хрущевской «оттепели», вскоре после смерти Сталина, был изменен статус и реорганизована структура органов государственной безопасности. Так, в начале 1954 г. органы государственной безопасности вновь, и уже в последний раз в советской истории, были выделены в самостоятельное ведомство – КГБ СССР, статус которого позже уточнен в Положе-

нии о КГБ, одобренном Президиумом ЦК КПСС в декабре 1959 г. – с небольшими поправками этот акт действовал в период «застоя» и основную часть «перестройки», и только на рубеже 1990 г. органы госбезопасности кардинально преобразовались.

На КГБ возлагались следующие основные задачи: а) разведывательная работа в капиталистических странах; б) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведывательных органов, зарубежных антисоветских центров и с их агентурой внутри страны; в) борьба с вражеской деятельностью антисоветских и националистических элементов внутри СССР; г) контрразведывательная работа в Советской Армии, Военно-морском флоте, ГВФ, в пограничных войсках и войсках МВД с целью предупреждения проникновения в их ряды агентуры иностранных разведок и иных вражеских элементов; д) контрразведывательная работа на специальных объектах, особо важных объектах промышленности и на транспорте; е) охрана государственных границ Союза ССР; ж) охрана руководителей Партии и Правительства; з) организация и обеспечение Правительственной связи; и) организация радиоконтрразведывательной работы и учет необходимых данных действующих на территории страны ведомственных радиостанций; к) разработка мобилизационных планов по развертыванию органов госбезопасности и войсковых частей Комитета и выполнение других поручений ЦК КПСС и Правительства Союза ССР. Соответственно этим задачам КГБ предоставлялись и полномочия, в том числе специального характера, в частности: вести агентурно-оперативную работу в целях выявления и пресечения враждебной деятельности, направленной против Советского Союза; производить в установленном законом порядке обыски, задержания и аресты лиц, избранных или подозреваемых в преступной деятельности; вести следствие по делам о государственных преступлениях с последующей передачей дел по подсудности; в случаях необходимости по согласованию с начальниками милиции привлекать работников милиции для обеспечения выполнения заданий органов государственной безопасности; вести оперативный учет государственных преступников и др.

Исходя из указанных функций и полномочий определялась и структура КГБ СССР. Далее автор рассматривает наиболее заметные события в период «застоя» и «перестройки» в организационно-правовом развитии органов государственной безопасности. Так, 18 мая 1967 г. на должность председателя КГБ СССР был назначен Секретарь ЦК КПСС и заведующий отделом ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Ю.В. Андропов. 17 июля того же года по его Политбюро ЦК КПСС приняло решение о создании в структуре комитета самостоятельного 5-го управления по борьбе с идеологическими диверсиями противника, которое непосредственно было связано с борьбой советского государства против «подрывной» деятельности правозащитников из числа диссидентов-шестидесятников, в связи с чем этот аспект в диссертации раскрывается подробно.

С назначением Андропова деятельность КГБ активизировалась, что продолжалось и после его смерти (1984 г.). Так, по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) и 190-1 (распространение заведомо ложных сведений,

порочащих советский государственный и общественный строй) с 1966 по 1986 гг. были осуждены 2468 человек. Между тем в связи с происходящими в стране изменениями, а также изменениями в уголовном законодательстве летом 1989 г. было принято решение об упразднении 5-го управления и образовании Управления КГБ СССР по защите советского конституционного строя (обосновано в записке председателя КГБ СССР В.А. Крючкова в ЦК КПСС). В записке, в частности, указывалось, что «в условиях революционного обновления советского общества, развития демократии и гласности ... путем оживления национализма, шовинизма, клерикализма западные спецслужбы и антисоветские организации активно пытаются активизировать очаги общественной напряженности, антисоциалистические проявления и массовые беспорядки, подстрекать враждебные элементы к действиям, направленным на **насильственное свержение советского строя** (выделено нами – авт.)». Важно отметить, что эта угроза, по мнению КГБ СССР, исходила не только от внешних сил (это было всегда), но и от определенных сил внутри страны, и именно это обстоятельство было новым, и такая угроза считалась реальной. Это была главная мысль записки. Эта мысль далее находила более развернутое обоснование, и в итоге, в связи с изменившейся и ставшей гораздо более сложной ситуацией, было предложено создать новое структурное подразделение – самостоятельное Управление по защите конституционного строя, которое должно было сосредоточиться на выполнении следующих основных задач: срыв замыслов специальных служб капиталистических стран по созданию и использованию в антиконституционных целях организованных антисоциалистических группирований; пресечение преступной деятельности антисоциалистических элементов, пытающихся насильственным путем свергнуть советскую власть; предупреждении и пресечении террористических акций; предотвращении и локализации массовых беспорядков и иных противозаконных групповых действий экстремистского характера; выявлении и нейтрализации антисоветских националистических проявлений.

Диссертант отмечает, что инициатива КГБ СССР была вполне последовательна – она основывалась на **действующей** Конституции СССР, где по-прежнему довлел идеологический признак. Однако при принятии этого решения не было учтено того, что общественные отношения находятся в сильной динамике развития, и вектор тогда уже был задан вполне определенный – переход к более демократическим принципам как в политике, так и в экономике; уже намечались и сепаратистские настроения в союзных республиках. В таких условиях глобального социального движения спецслужбы уже не могли иметь решающего фактора и успешно выполнять поставленные задачи, что, собственно, и было позже подтверждено, в том числе в наиболее крупном и нереализованном Законе СССР от 16 мая 1991 г. «Об органах государственной безопасности в СССР». Впервые советское общество, практически перед самым распадом СССР, получило открытый закон о деятельности органов государственной безопасности, выдержанный в демократическом духе, присущем странам Запада, и разительно отличавшийся от актов прежних времен. В работе этот закон подробно анализируется.

При этом автор обращает внимание на стремительность изменений. Еще, казалось, недавно (в 1989 г.) председатель КГБ СССР В.А. Крючков направляет отмеченную выше записку, как и в сталинские времена, в ЦК КПСС как верховную инстанцию, где решались все важнейшие вопросы, и вдруг – никакой идеологии, никакой «руководящей и направляющей» КПСС, никаких «социализмов», «коммунизмов», «капитализмов». Это было, конечно, непривычно и для многих работников КГБ СССР просто неприемлемо (мы полагаем, что принятие этого закона уже вполне демократичным парламентом, равно как и решения по фактическому осуждению предшествующей деятельности КГБ СССР в отношении диссидентов повлияли на решимость В.А. Крюčkова и его сторонников выступить с инициативой ГКЧП в августе 1991 г.). После августовского ГКЧП участь КГБ была предрешена - Постановлением Государственного совета СССР от 22 октября 1991 г. было предложено КГБ СССР упразднить, а вместо него стали появляться иные структуры.

Третья глава **«Реализация карательной политики советского государства в периоды «застоя» и «перестройки» в сфере борьбы с государственными преступлениями (на примере некоторых уголовно-политических дел)»** включает в себя три параграфа.

Первый параграф *«Дела диссидентов-шестидесятников (1964 – начало 1970-х гг.)»* посвящен анализу нескольких уголовно-политических процессов, связанных с борьбой советской власти против преступлений, совершаемых оппозиционной интеллигенцией, представители которой обвинялись, как правило по ст. 70 и 190.1 УК РСФСР. В этой связи в работе более подробно рассматриваются также истоки и развитие в период «застоя» диссидентского движения, причины его противостояния с советской властью. Отмечается, в частности, что движение диссидентов в СССР зародилось в годы хрущевской «оттепели», когда после осуждения культа личности Сталина на XX съезде КПСС (1956 г.) был взят курс на некоторую либерализацию общественно-политических отношений, в рамках которой была ослаблена цензура, на свет появился ряд литературных произведений, которые ранее не могли быть напечатаны (например, повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»). Часть представителей интеллигенции, почувствовав свободу самовыражения, стали использовать ее для прямой или косвенной (как правило, через литературные публикации) критики советской действительности, и прежде всего в части ограничения демократических прав и свобод. По мнению советской власти, они зачастую делали это, переходя установленную уголовным законом. В то время в самиздате стали циркулировать запрещенные официальной цензурой эссе, рассказы, стихи. Москва и Ленинград были буквально захлестнуты списками стихов запрещенных, забытых, репрессированных поэтов предреволюционного и советского времени - Ахматовой, Мандельштама, Волошина, Гумилева, Цветаевой и еще многих, сохраненных памятью людей старшего поколения. Востребованы были и стихи поэтов-современников. Повышенной популярностью пользовались и некоторые официально дозволенные произведения (Евтушенко, Мартынов), но благодаря самиздату знали и не печатаемых государственными издательствами - Бродского,

Коржавина и др. В самиздате появлялись и общественно-политические трактаты с критической направленностью в отношении советского строя.

Возник конфликт, сторонами которого были взятая в совокупности инакомыслящая интеллигенция, стремящаяся к свободе самовыражения, и шире – к реализации политических прав, и сама власть, установившая законы, в рамках которых политическая свободы определенным образом ограничивалась. В этом конфликте никто не хотел уступать. В наибольшей степени этот конфликт проявился в 1960-е гг. (отсюда название – «диссиденты-шестидесятники»), когда был проведен ряд судебных процессов, завершившихся обвинительными приговорами.

Детонатором взрыва демократического движения 1960–1970-х гг. послужили арест литераторов Даниэля и Синявского осенью 1965 г. и официальная газетная кампания, сопровождавшая судебный процесс над ними в январе-феврале 1966 г. Арест писателей вызвал невиданное событие – политическую демонстрацию на Пушкинской площади 5 декабря 1965 г. И более того, этот процесс вызвал цепную реакцию: судят Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашкову, составивших и передавших на Запад Белую книгу в их защиту; затем судят Кузнецова и Бурмистровича за распространение произведений Даниэля и Синявского; затем Хаустова, Буковского, Кушева, Габая за демонстрации против процесса над Гинзбургом; потом Григоренко – за протест против судов над Хаустовым и Буковским; потом Борисова – за протест против заключения в спецпсихбольницу Григоренко и т. д. Одновременно потянулся и длинный ряд дисциплинарных и общественных взысканий (по терминологии диссидентов это были внесудебные репрессии, однако такое определение представляется неточным) – исключения из партии, комсомола, увольнения с работы людей, подписавших коллективные письма в ЦК КПСС в защиту арестованных по политическим мотивам и с протестами против ресталинизации.

Заметными событиями истории либерального диссидентства стали суд над 21 участником Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (февраль–декабрь 1967 г.) и выпуск «самиздатского» правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий». На развитии диссидентства в конце 1960-х гг. существенным образом сказались демонстрация протеста против ввода войск в Чехословакию и суд (октябрь 1968 г.) над ее участниками, исключение в ноябре 1969 г. А.И. Солженицына из Союза писателей СССР за публикацию на Западе романов «В круге первом» и «Раковый корпус», присуждение ему Нобелевской премии по литературе (1970 г.). Позже, после еще ряда самиздатовских работ (и прежде всего «Письмо вождям Советского Союза» в 1973 г.), Солженицын в феврале 1974 г. был выслан за границу. После заключения Хельсинкских соглашений была создана Московская группа содействия выполнению гуманитарных статей этих соглашений (май 1976 г.). В нее вошли член-корреспондент Армянской Академии наук Ю.Ф. Орлов (руководитель) и еще 10 человек: Л.М. Алексеева, М.С. Бернштам, Е.Г. Боннэр и др. Вскоре подобные группы возникли на Украине, в Грузии, Литве и Армении.

Далее в работе подробно исследуется следствие и судебный процесс над А.Д. Синявским и Ю.М. Даниэлем, которые тайно публиковали свои произведе-

ния за границей - Синявский под псевдонимом «Абрам Терц», Даниэль - под псевдонимом «Николай Аржак». Обоих свели в один процесс и обвинили по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР. Суд широко освещался в советской печати, произведения подсудимых именовались «пасквилями», а сами подсудимые – «перевертышами» (так назывался, например, материал Д. Еремина в «Известиях» 13 января 1966 г.), поскольку оба вполне легально и благополучно жили в СССР: Даниэль был переводчиком, а Синявский - кандидат филологических наук - научным сотрудником Института мировой литературы им. Горького (ИМЛИ). Подсудимым, кроме «буржуазной» агитации и пропаганды, вменялось в вину сатирическое изображение советской действительности в нелегально опубликованных произведениях. Судебный процесс начался 10 февраля 1966 г. Дело рассматривал Верховный суд РСФСР. Войти в зал можно было только по приглашительным билетам, и в результате из многочисленных соратников и сочувствующих на суде присутствовали только жены Синявского и Даниэля и адвокаты - Э.М. Коган и М.М. Кисенишский. В литературе по этому поводу указывается, что «последнее обстоятельство было проявлением неслыханного либерализма - обычно политические адвокаты не имели. Но поскольку дело неожиданно стало громким, то органам пришлось соблюсти некоторые приличия» (Раскина Е., Кочина И., 1999). Однако с этим утверждением диссертант не может согласиться. Дело в том, что в рассматриваемый период СССР уже перешел ту черту, когда подсудимые не могли иметь адвокатов, и действующий тогда УПК РСФСР довольно четко и жестко определял эти позиции. В слушании дела писателей были задействованы высокопоставленные чиновники советской юстиции. Государственным обвинителем был помощник Генерального прокурора СССР О. П. Темушкин, а председателем суда – Председатель Верховного Суда РСФСР Л. Н. Смирнов. Народными заседателями были Н.А. Чечина, П.В. Соколов. Общественными обвинителями были литераторы А. Васильев и З. Кедрина.

По процедуре это был обычный процесс. На суде обвиняемые держались достаточно уверенно и в ответ на вопросы судьи и прокурора говорили о свободе слова и убеждений, закрепленной в Конституции СССР и Декларации прав человека, о необходимости покаяния перед жертвами сталинских репрессий, об опасности вторичного установления культа личности. Несмотря на явную заданность хода судебного процесса, предрешенность обвинительного приговора, в чем, вероятно, не сомневался никто, подсудимые сохранили самообладание и в конце трехдневного судебного заседания, когда им было предоставлено последнее слово, они вполне уверенно выражали свою позицию. В итоге Синявский был приговорен к 7 годам, а Даниэль – к 5 годам лишения свободы с отбыванием наказания в ИТК строгого режима. Этот процесс получил широкий общественный резонанс – как среди международной общественности, так и в внутри страны. С учетом времени, когда это происходило, на фоне холодной войны между Западом и Востоком, за границей отклики были исключительно в поддержку осужденных, а внутри СССР в подцензурной печати – исключительно осуждающие. Далее в работе освещаются отдельные процессуальные аспекты суда над правозащитником Л.И. Богораз, которая была приговорена к 4 годам ссылки

– такое наказание также будет характерным в период «застоя» в отношении антисоветчиков.

Во втором параграфе «Дело Саблина (1975 г.)» речь идет о процессе, сведения о котором стали известны сравнительно недавно – об уголовном деле о преступлении против государства, совершенном капитаном третьего ранга В.Н. Саблиным 8-9 ноября 1975 г. в акватории Рижского залива – тогда Саблин захватил военный корабль, в команде которого состоял замполитом, при поддержке некоторых членов экипажа вывел его в открытое море и ввел в радиоэфир ряд тезисов с резкой критикой партийно-советской власти, рассчитывая получить поддержку флотов и всех трудящихся и поменять в итоге властную элиту в стране. Невиданные до этого по дерзости и ошеломившие военное командование действия Саблина были пресечены при помощи другой части экипажа, а сам он, обвиненный в измене Родине (ст. 64 УК РСФСР), был казнен в августе 1976 г. по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР. Вместе с Саблиным был осужден к восьми годам лишения свободы матрос А. Н. Шеин, который, будучи непосредственным подчиненным Саблина (штатный киномеханик, нештатный художник, руководитель корабельного ансамбля), был посвящен накануне Саблиным в планы последнего и, согласившись ему помогать, объективно своими действиями способствовал реализации преступного умысла Саблина.

В работе отмечается, что до настоящего времени по этому делу ведутся дискуссии, по-разному оценивается поступок Саблина – от характеристики его как предтечи «перестройки», то есть как безусловного героя (такие оценки преобладают), до изменника Родины, получившего справедливое возмездие. В этой связи автор рассматривает юридические аспекты дела, связанные с квалификацией его действий, проведением следствия, судебным процессом, что позволяет более взвешенно расставить акценты в этом действительно чрезвычайно редком и необычном уголовно-политическом деле времен «застоя». На следствии Саблин отвергал обвинения в измене Родине. В ходе следствия и на суде Саблин оставался спокойным, своих политических взглядов не менял, хотя и раскаивался в том, что избрал не тот путь для их реализации, не ощутил реальной ответственности за свои действия. Однако независимо от этого судьба его уже была predetermined на самом «верху».

В результате анализа уголовно-процессуальных аспектов этого дела диссертант приходит к нескольким выводам. В частности, есть основания считать, что помыслы Саблина были обусловлены среди прочего искренним желанием добиться улучшения жизни в стране. С сугубо правовой точки автор считает, что Верховный суд РФ в 1994 г., когда дело Саблина было пересмотрено по просьбе его родственников, адекватно оценил действия Саблина с позиции действующего тогда УК РСФСР, исключив из обвинения измену Родине, но вменив другие воинские преступления и определив наказания в виде 10 лет лишения свободы. Саблин, нарушая присягу, ведомственные приказы, законы, вполне осознавал тяжесть ответственности своих действий, и он сделал свой выбор целью преступления. Наказание за его совершение, назначенное в 1976 г., конечно, было излишне жестоким. Но очевидно, что при той вертикали власти в застывшей политической системе СССР покушение на эту систему из числа военных

немедленно влекло встречный удар, и органы государственной безопасности, следствие и суд лишь исполнили волю политического руководства страны по восстановлению и укреплению государственного строя. Вместе с тем выступление Саблина, взятое вкуче с диссидентской деятельностью, свидетельствовали о том, что политическая система была не столь крепка, как казалось властной элите, но потребовалось еще пятнадцать лет, чтобы общество созрело и пришло к необходимости реформироваться кардинальным образом.

В третьем параграфе «Дело ГКЧП (1991 г.)» указывается, что в последний год существования СССР (1991 г.) произошли события, которые круто изменили темпы и содержание дальнейшего государственно-правового развития советской страны – речь идет о создании и функционировании в течение 19-21 августа Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (далее – ГКЧП), признанного позже незаконным и организаторы которого были обвинены в совершении государственного преступления. Об этом явлении, именуемым обычно как «путч», «путч ГКЧП», за прошедшие годы написано довольно много работ (их авторы в абсолютном большинстве осуждают действия и решения ГКЧП; вместе с тем в последние годы оценки несколько изменились с точки зрения смягчения критической направленности). Дело ГКЧП было последним уголовным делом в истории СССР, в котором обвиняемые подозревались в совершении государственного преступления в виде измены Родине (ст. 64 УК РСФСР). Уникальность этого дела состояла и в том, что обвиняемыми были высшие должностные лица органов государственной власти и управления. Важно заметить также, что его расследование, а затем суд проводились в условиях глубочайшего политического и экономического кризиса, в котором находился СССР в середине 1991 г. – в это время шел процесс фактического отделения ряда союзных республик, их самообъявления о государственной независимости, большой «раздрай» наблюдался среди политических сил в самой РСФСР, имело место острое противостояние между лидерами союзного центра и РСФСР (Горбачев и Ельцин), и данные обстоятельства накладывали сильный отпечаток на прохождение уголовного дела о ГКЧП, то есть оно было предельно политизированным, и нормы права, законность зачастую отступали на второй план. Непосредственное отношение к делу имело также намеченное на 20 августа 1991 г. подписание Договора о создании Союза Суверенных Государств - если бы подписание произошло, то вместо СССР гипотетически мог появиться ССГ; членов ГКЧП категорически не устраивал такой сценарий – они хотели сохранения СССР в соответствии с результатами прошедшего в марте 1991 г. референдума по вопросу о дальнейшей судьбе советского государства, когда 76% участников референдума, с учетом всех оговорок, высказались за дальнейшее функционирование Советского Союза.

В итоге проведенного анализа диссертант констатирует, что в последние месяцы существования СССР на прохождение уголовных дел о преступлениях против государства сильное влияние оказывала общественно-политическая обстановка, характеризующаяся крайней нестабильностью. Это обстоятельство во многом предопределило действия ряда высших должностных лиц страны на создание внеконституционного органа власти - ГКЧП, незаконно принявшего на се-

бя всю полноту власти в государстве. Вместе с тем после провала попытки членов ГКЧП достичь поставленных целей по «спасению страны», их уголовное преследование сопровождалось многими нарушениями уголовно-процессуального законодательства, в частности, в правовых актах Президента РСФСР, Президента СССР, Верховного Совета СССР они еще до начала следствия именовались как «государственные преступники», а их действия в этих актах квалифицировались как «заговор с целью захвата власти», «государственный переворот». Следствие и суд по этому делу длились более двух лет, и постепенно, за давностью времени, стало очевидным, что этот процесс никому не нужен, в том числе и власти, поскольку разрешить возникшее противоречие (обвинение в измене Родине не проходило, но тогда вставал вопрос об ответственности тех, кто инициировал и проталкивал это обвинение) в прежних процедурах не представлялось возможным. Да и ситуация в стране кардинально изменилась – договор о ССГ так и не был подписан, а СССР распался, Россия вошла в качественно новый этап развития, и ГКЧП стал казаться уже каким-то далеким миражом. Однако формальности следовало соблюсти, и тогда в феврале 1994 г. было решено применить ко всем подсудимым амнистию, позволившей более или менее пристойно всем участникам закончить это ставшее все больше расцениваться как фарс дело. События августа 1991 г. показали также, что в России по-прежнему еще достаточно высокий уровень правового нигилизма как со стороны граждан, так и со стороны представителей властных структур, и этот нигилизм особенно сильно проявлялся в кризисной общественно-политической и социально-экономической ситуации, в которой оказался СССР на рубеже 1990 г.

В заключении сделаны основные выводы по диссертации.

* * *

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Статьи в ведущих рецензируемых государственных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований.

1. Государственные преступления в период «застоя» и «перестройки» (1964-1991 гг.): историко-правовой анализ // Общество и право. №1 (23). 2009. - 0,3 п.л.

Иные публикации.

2. Основные характеристики нового исправительно-трудового законодательства 1969-1970 гг. и особенности исполнения наказания в отношении осужденных за государственные преступления // Правовая политика как способ формирования российской правовой системы. 3 – 4 февраля 2009 г. Уфимский филиал Уральской государственной юридической академии. Уфа, 2009. – 0, 25 п.л.

3. Принцип презумпции невиновности в советском уголовном процессе (1960-1980-е гг.) и политические причины неполноты его законодательного закрепления // Вестник Краснодарского университета МВД России. №1. 2009. - 0,25 п.л.

4. Особенности уголовно-политических процессов в СССР по делам о преступлениях против государства в период «застоя» (на примере дела Саблина, 1975 г.) // Всероссийская научно-практическая конференция 14-15 февраля 2008 г. «Актуальные проблемы правовой системы общества». Уфимский филиал Уральской государственной юридической академии. Уфа, 2008. – 0,25 п.л.

5. Дело Сахарова об его административной ссылке (1980-1986 гг.) как отражение особых методов работы органов государственной безопасности в противодействии антисоветской деятельности // Материалы Всероссийской научно-практической конференции 20-21 февраля 2007 г. «Правотворческая и правоприменительная деятельность в Российской Федерации: вопросы теории и практики». Уфимский филиал Уральской государственной юридической академии. Уфа, 2007. – 0,2 п.л.